

КНИГА
МАГИИ

The Book of
MAGIC

EDITED BY
GARDNER DOZOIS

КНИГА МАГИИ

СОСТАВИТЕЛЬ
ГАРДНЕР ДОЗУА

ДЖОРДЖ МАРТИН
РОБИН ХОББ
СКОТТ ЛИНЧ
И ДРУГИЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К53

Серия «Мастера фантазии»

THE BOOK OF MAGIC

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения Bantam Books,
an Imprint of Random House,
a division of Penguin Random House LLC.

Книга магии : [сборник : перевод с английского] / сост. Гарднер Дозуа. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 560 с. — (Мастера фантазии).

ISBN 978-5-17-114969-7

Волшебники, чародеи, сверхлюди, обладающие воинственным, а порой и склочным характером и ведущие весьма странный образ жизни...

Последний сборник Гарднера Дозуа (1947—2018), одного из величайших редакторов и энтузиастов фантастики, расскажет читателю:

— о Джеке-попрыгунчике, неуловимом грабителе, попавшем в неожиданную ловушку,

— о последних днях Умирающей земли,

— о противостоянии Севера и Юга США, в котором ярчайшую роль играют магические модификаторы своих тел, поедающие кости волшебных созданий,

— о том, как опасна может быть ничем не ограниченная власть — и в первую очередь для обладающего этой властью,

— о спонтанных превращениях и хитроумных магических уловках,

— о том, почему нельзя связываться с высшими силами,

и о многом, многом другом.

17 любовно отобранных историй об интригах и приключениях в мире волшебства и магии!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-114969-7

© The Estate of Gardner Dozois, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

*Посвящается волшебникам слова,
это самая могущественная магия на свете.*

Гарднер Дозуа*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чародеи, ведьмы, шаманы, колдуны, провидцы, целительницы, знахари, владеющие магией... Они общаются с духами, ведают древними тайнами и повелевают скрытыми силами. Они способны одновременно лицезреть потусторонний мир и реальность, являясь связующим звеном между ними, вернуться к истокам истории человечества, а то и раньше. Археологи обнаружили следы ритуальной магии при раскопках неандертальских стоянок. При погребении умершего окружали любимыми орудиями труда, оставляли еду, иногда украшения из цветов. За низкой каменной перегородкой лежали семь медвежьих голов; человеческий череп, насаженный на кол, окружало кольцо из камней... Магия неандертальцев.

Десятки тысячелетий спустя в глубоких пещерах Ласко, Пеш-Мерль и Руффиньяк кроманьонцы тоже совершали магические обряды, доставшиеся им, возможно, по наследству от ушедших сородичей-неандертальцев. Глубоко в темных пещерах Ла-Мут, Комбарель и Альтамира, в самых отдаленных тайных галереях, кроманьонцы расписывали стену за стеной яркими символическими рисунками, изображая животных ледникового периода. Не подлежит ни малейшему сомнению, что эта наскальная живопись и связанные с ней реалистичные глиняные фигурки бизонов, лошадки, вырезанные из слоновой кости, загадочные женские фигурки «Венер» и абстрактные, перекрывающие друг друга конту-

* © Gardner Dozois, 2018; © пер. В. Соломакиной, 2018.

ры отпечатков человеческих ладоней, известные как «макароны», были элементами магии, использовались в ритуальных обрядах, хотя, как именно они применялись, возможно, навеки останется тайной. На стенах древних пещер мы находим самое раннее изображение чародея в истории человечества: нескладную, таинственную фигуру с головой оленя, наблюдающую за яркими плоскими образами животных, скачущих по камню.

Выходит, магия появилась раньше искусства. Скорее всего, искусство было призвано отражать волшебство, дать ему материальное воплощение, каким-то образом использовать его. Вглядываясь в глубь веков, мы видим, что художник и волшебник неразличимы, они, по сути, едины, что неизменно подтверждается многочисленными примерами — вплоть до сегодняшнего дня.

Рассказы о магии тоже родом из прошлого, возможно, даже из ледникового периода, когда охотники долгими ночами собирались у костра, прислушиваясь к разрывающему крошечную тьму вою диких животных. В бронзовом веке Гомер рассказывал свои истории у живого огня. В его сказаниях то и дело мелькают узнаваемые элементы фэнтези — людоеды, заклятия, снятие чар, волшебницы, превращавшие людей в свиней. В слушателях — особенно среди бывалых, опытных людей — недостатка не было.

К концу XVIII века нечто близкое к современному литературному фэнтези пустило ростки из тысячелетней устной традиции — народных сказок, волшебных сказок, мифологии, песен и баллад, сказок, наполненных чудесами, баек путешественников, деревенских легенд о феях и заколдованных камнях, о великанах, спящих под сельскими просторами, — сначала в виде готических рассказов, историй о привидениях, арабесок, позднее, к середине следующего столетия, в более скромной литературной форме. Такие писатели, как Уильям Моррис и Джордж Макдональд, переработали сюжеты фольклора и создали новые фантастические миры для достаточно искушенной публики, опираясь на явные признаки фэнтези, как на литературные тропы, а не на страшные полузабытые народные поверья. Этим людей позабавила бы мысль о блюдце молока для феи-бродяжки.

К концу XIX и началу XX века большинство уважаемых литературных деятелей — Диккенс, По, Киплинг, Дойл, Саки, Честер-

тон, Уэллс — уже всюду писали фэнтези в той или иной форме — истории о привидениях или «готические» рассказы. Некоторые писатели: Торн Смит, Джеймс Брэнч Кейбелл и лорд Дансени — стали специализироваться на этой форме. Однако на горизонте замаячила Вторая мировая война, и фэнтези впало в немилость, как «вышедшее в тираж», несовременное, непрогрессивное, оно сделалось своего рода изгоем. В суровые 1950-е фэнтези почти не издавалось ни в какой форме, а в США оно как жанр не существовало вовсе.

Когда начался ледниковый период и большая часть территории Северо-Американского континента покрылась льдом, тысячи видов растений, насекомых, птиц и животных переместились на юг, в защищенные горами леса, которые впоследствии станут называться Грей-Смоки-Маунтинс. В этих убежищах они пережидали нашествие ледников, которые в конце концов повернули на север. С уходом ледников стало значительно теплее. Так и скромные журналы — подвизающиеся в фэнтези и научной фантастике «Странные истории» (Weird Tales) и «Неизвестное» (Unknown) в тридцатых и сороковых годах, «Журнал фэнтези и научной фантастики» (The Magazine of Fantasy and Science Fiction), «Фантастика» (Fantastic) и «Британская научная фантастика» (British Science Fantasy) — в пятидесятых и шестидесятых скрывались в убежищах, защитивших фантастику во время ее бегства от ледников социалистического реализма в ожидании грядущего потепления климата, чтобы иметь возможность вновь расправить крылья.

К середине шестидесятых, в основном усилиями первопроходцев, таких как Дональд Воллхайм, Иен и Бетти Баллантайн, Дон Бенсон и Селвин Голдсмит, фэнтези возвращалось из небытия. А после небывалого успеха «Властелина колец» Д. Р. Толкина в США основали первую издательскую серию «The Ballantyne Adult Fantasy», посвященную исключительно фэнтези. Спустя десятилетия за ней последуют другие, а на сегодняшний день фэнтези — огромный, разнообразный, востребованный жанр, разлившийся на многочисленные «реки и ручейки»: фэнтези меча и магии, эпическое фэнтези, высокое, комическое, историческое, фэнтези альтернативных миров и так далее.

За последние десятилетия в литературе сложился типичный образ волшебника: добродушный старик с седой бородой, в фетро-

вой шляпе с широкими полями, с посохом в руке — образ, возникший в значительной степени под влиянием Гэндальфа Серого из книг Толкина и Дамблдора, выдуманного Джоан Роулинг и — вишенкой на торте — от Мерлина, созданного Т. Х. Уайтом. В течение веков волшебников изображали то так, то эдак — то доброжелательными и мудрыми, то порочными и злыми, иногда в них сочеталось и то, и другое. Древние греки считали магию великой наукой. Известный мистик Агриппа почитал магию, как тропу для воссоединения с Богом. А в средневековой Европе говорили, что маги связаны с дьяволом и распространяют зло по всему миру, развращая и разрушая праведные души. Дым от сожженных на кострах ведьм и колдунов в течение долгих тысячелетий наполнял зябкий осенний воздух. У некоторых индейских племен Америки колдун был злым или добрым в зависимости от того, как он использовал магию. На самом деле в каждом обществе есть свой тип волшебника. В Мексике волшебник называется *curandero*, лекарь — *brujo* или *bruja*. На Гаити они *houngan* или *quimboiseur*, у американских индейцев — *shaman* (шаман) или *singer*, у евреев — *kabbalist*, у цыган *chóvíhánni*, ведьма; в сегодняшней сельской Америке — *hoodoo* или *conjure man*, знахарь, *root woman* — целительница, у племен маори в Новой Зеландии — *tghunga makutu* и так далее, по всему миру, в самых что ни на есть «развитых» обществах, не говоря уже о наиболее «примитивных».

Все мы, по сути своей, волшебники. Для большинства из нас магия — часть интуитивного культурного наследия. Как только вы скрещиваете пальцы или стучите по дереву, чтобы отпугнуть злых духов, чтобы не сглазить, или отказываетесь поменять «счастливую» одежду перед решающей спортивной игрой, или стараетесь, идя куда-то по делам, не наступить на трещины в асфальте, чтобы у матери не разломило поясницу, или, наоборот, нарочно наступаете, со злым умыслом, — тут вы облачаетесь в мантию волшебника, пытаетесь повлиять на мир с помощью магии, колдуете точно так же, как и средневековый алхимик, напрасно корпевший над пестиками и перегонным кубом, так же как шаман-кроманьонец в маске медведя, с оленьими рогами на голове, исполнявший ритуальные обряды в темных пещерах Руффиньяка.

В этом сборнике я попытался охватить многоликий мир магии. В нем вы найдете добрых белых и невероятно злых черных

магов. Вы побываете в Исландии XVIII века на заколдованных троллями холмах, в викторианской Ирландии, где сиды, обитатели холмов, собираются на войну; в далеких, неизведанных Аппалачах и среди холмов Кентукки, где до сих пор бродят призраки; на улицах современных Нью-Йорка и Лос-Анджелеса, где на каждом углу неосторожного прохожего может подстеречь опасная магия. Потом вы окажетесь в выдуманных мирах вне привычных нам времени и пространства, пройдете по сказочному заколдованному городу Калифе, мрачным топям и разрушающимся городам Месоги, где мертвые охотятся на живых; зловещему городу Узур-Калден на самом краю земли, откуда отправляются в путешествие обреченные на гибель странники, и мало кому из них суждено вернуться; вы посетите Страну падающей стены в последние дни Умиряющей Земли, чтобы насладиться трапезой в таверне у озера, известной своими знаменитыми шкворчащими угрями; отправитесь на Матерь рынков в Мессалине в поисках странных поделок в компании мастерицы, поучаствуете в сто девятнадцатом Великом симпозиуме, где правит сам Великий Магнус, чтобы увидеть состязание искуснейших магов мира; присоединитесь к полным опасности поискам ледяных магов по повелению Великих домов, правящих Римом после падения империи в альтернативной версии истории; проникнете в Холм эльфов, откуда почти невозможно выбраться без провожатого; прокатитесь на «терраплане» дьявола, поможете деревенскому колдуну в почти безнадежной борьбе против зловещей магии; попытаетесь уговорить комету, чтобы она не разрушала мир; сразитесь с возвращенцами из небытия, пожирательницей игрушек, зловещей заколдованной книгой... Вы познакомитесь с доктором Ди, известным викторианским ученым, и волшебником Маскелейном Неотразимым, Незрячим, Властелином Черной башни, Молоксом Меланхоличным, джиннами, троллями, эльфами, остеомантами, эгрегорами, деодандами, груями, эрбами, вампирами, мантикорами — чудовищами с хвостом скорпиона; сидами, духами-покровителями Исландии; святыми и грешниками; с головами на кольях, распеваящими песни, известными как каллисточуа, которые способны околдовать жертву бесконечной песней; Архангелом Бобом, Святой Блудницей, Джеком-попрыгунчиком и зятем дьявола.

Эти мечты пробудила сама магия, они, бесспорно, волшебные. Мечты живут, соединяя поколения и неизменно возрождаясь из страшной могильной бездны. Они стирают расовые, возрастные, классовые, национальные барьеры, выходят за границы времени. Я искренне надеюсь, что представленные в этой книге рассказы затронут ваши души, взволнуют умы и надолго останутся в вашей памяти. Так пускай же рождаются новые мечты, даже после того, как все причастные к этой антологии превратятся в прах.

К. Дж. Паркер*

К. Дж. Паркер считается одним из самых изобретательных писателей, работающих в жанре фэнтези. Он автор бестселлера «Инженерная трилогия» (Engineer Trilogy): «Средства и желания» (Devices and Desires), «Око за око» (Evil for Evil), «Бегство» (The Escapement), а также трилогии «Фехтовальщик» («Закалка клинка», «Натянутый лук», «Пробирная палата») и трилогии «Мусорщик» (Scavenger): «Тень» (Shadow), «Образец» (Pattern), «Память» (Memory). Его рассказы публиковались в сборниках «Академические упражнения» (Academic Exercises) и «Тайник» (Priest's Hole).

Он был дважды удостоен Всемирной премии фэнтези за повести «Дайте карты другим» (Let Maps to Others) и «Малая плата за птичью песню» (A Small Price to Pay for Birdsong). Его перу принадлежат также романы «Жулики» (Sharps), «Компания» (The Company), «Складной нож» (The Folding Knife) и «Молот» (The Hammer), «Дикари» (Savages), «Сильнее меча» (Mightier Than the Sword) и «Два меча» (The Two of Swords).

К. Дж. Паркер — это псевдоним британского писателя Тома Холта. Под своим настоящим именем он опубликовал «В ожидании когонибудь повыше» (Expecting Someone Taller), «Кто боится Беовульфа» (Who's Afraid of Beowulf), «Эй, боги!» (Ye Gods!) и многое другое.

В запутанном рассказе, представленном в этом сборнике, вы попадете в элитную Академию волшебников, где в конкурсе на важную должность участвуют три могущественных мага, и станете свидетелем, как соперничество превращается в нечестную, смертельно опасную борьбу.

* © K.J. Parker, 2018; © пер. В. Соломакиной, 2018.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СВИНЬИ

Ностальгия, от греческого *νοστος* и *ἀλγεια*, — боль возвращения домой.

Такие капканы обычно ставят на медведей и других опасных животных, что мне польстило, ведь я на первый взгляд не произвожу впечатления опасного противника. Он вонзился слегка наискось, с хрустом вгрызаясь в пятку и щиколотку, пока стальные зубья не сомкнулись в мышцах. В голове помутилось от боли, и впервые в жизни я на некоторое время выпал из реальности, не в силах ухватиться за какую-либо мысль.

Что ж, неплохой ход. Когда мозги соображают как надо, мне любая напасть нипочем. Ясное дело — ничто здесь не причинит мне боли, я сильный, хотя по виду этого не скажешь. Но сейчас боль затмевает разум, мешает сосредоточиться. При такой острой боли, сковывающей мысли, ничего не получается, — это словно носить воду в решете: все ускользает, как струйка дыма.

Да, мы неизбежно наживаем врагов. Как ни старайся быть кротким и сохранять спокойствие, рано или поздно — простите за каламбур — угодишь в капкан, потом злость и возмущение застилают взор, и вот уже мы ведем себя вопреки здравому смыслу. Загоревшись обидой на красноречивое обвинение в дурацком честолюбии, один образованный интеллектuala губит другого, готовя для него ловушку. Можно, конечно, шире взглянуть на ситуацию и посмеяться, если бы не боль.

* * *

Что такое сила? Простите, если это прозвучало как вопрос на экзамене. Seriously, что это? Я бы назвал это качеством, позволяющим выполнить некую работу и приобрести власть. Чем ты сильнее, тем больше можешь сделать, тем более высокие цели ставишь перед собой. Мой отец легко поднимал наковальню весом сто пятьдесят килограммов. И я могу, но совсем другим способом. Вот ведь парадокс: я не стал кузнецом, как отец, потому что всегда был слабаком, а потом меня отослали в школу, где остатки моих мускулов превратились в жир, но я стал гораздо, гораздо сильнее. К черту наковальню! Я могу горы свернуть! Нет такой ска-

лы, которую я не мог бы поднять. Совсем не плохо для человека, которому требуется помощь, чтобы открыть консервную банку.

Людам свойственно путать силу и безопасность. Обычно думаешь: раз уж я такой сильный, то мне нечего бояться. На четвертом году обучения учителя говорят: вы завершили этот курс, теперь никто и ничто не сможет вам навредить. Чудненько. И ты пишешь родным: «Дорогие мама и папа! В этом семестре мы проходим Абсолютную Силу. Приеду в гости неуязвимым и непобедимым. Представляете? Ваш любящий сын, и прочее, и прочее».

И мы верим... ведь это так правдоподобно! Потом следует назначение на должность и практические занятия, где вы жонглируете тяжелыми предметами и сражаетесь с демонами, поворачиваете реки вспять и мановением руки раздвигаете морские волны — дурманящий хлам для девятнадцатилетнего паренька, и в конце концов ты думаешь: я, выпускник Академии, вооруженный *strictoense* и защищенный *logica*, не боюсь зла. А затем тебе предстоит первое задание, и ты потом и кровью, медленно, порой унизительно приобретаешь полезные навыки.

В процессе обучения боль упоминают лишь мельком. Боль, по словам профессоров, не дает сосредоточиться на главном, поэтому, по возможности, ее следует избегать. Ты глубокомысленно киваешь и конспектируешь: «избегать боли». Однако на экзаменах этот вопрос не возникает, поэтому о нем быстро забываешь. Уж я-то всю жизнь остерегаюсь боли; правда, с переменным успехом.

* * *

Голова все еще кружилась, когда появились убийцы. Так я называю их для удобства. Когда тебе известно, чем человек зарабатывает на жизнь, ты видишь не его, а профессию. «Эй, кузнец, мне надо подковать коня» или «Трактирщик, кружку пива!». А заведя меня, вы обычно падаете на колени и просите благословения, надеясь, что я не превращу вас в лягушку.

На самом деле они — типичнейшие батраки из Месоги, худощавые, сильные, с большими руками, обтрепанными манжетами, крепкими зубами, не испорченными сладостями. У одного в руке мотыга (на моей родине их называют тяпками), у другого — ка-